
Свою физиономию в зеркале я разглядывала, точно злейшего врага: придирчиво, дотошно и неприязненно.

Пакость какая. Если глаза — это зеркало души, то моя годится только на то, чтобы в нее плюнуть. Нос и вообще несуразный, лобик намекает на умственную отсталость обладательницы, к тому же вроде как переходит в залысину, вот еще не было печали... ротик тоже не впечатляет, уши... Ну ладно, должно же и у меня быть хоть что-то нормальное, вот уши, например, очень даже ничего. Симпатичные. И почти не торчат. Только их все равно не видно под волосами. А вот шевелюра, мать божия, обнять и плакать... Словно бросили на мелкую кочку жалкую кучку пересушенного сена!

Закончив беспристрастный (если не сказать безжалостный) осмотр, я попыталась подвести итоги. Половинкой ума оценивала собственную красоту недописанную, а другой половинкой размышляла, как бы так исхитриться, чтобы нечто подобное могло вызвать у мужчины чувство, отличное от брезгливой жалости. Желательно восторг и обожание. Нелегкая миссия, да уж... Разве что мужчина этот

псих. Или слепой на оба глаза. Какой бы недюжинный умище или прочие скрытые достоинства ни прятались в столь непрезентабельной оболочке, они никак не тянули на то, чтобы некий очень интересный меня тип мог влюбиться до смерти. Даже до легкого гриппа и то не дотягивали.

Надо ли уточнять, что на столь самокритичное разглядывание собственного отражения меня спровоцировал именно этот самый злокозненный тип? И следует признаться, на этот раз тип мне достался (вернее, можно сказать, почти что и не достался) и в самом деле уникальный. Этаким загадочный донельзя красавец, не поддающийся раскусыванию и так и не ставший менее загадочным (или менее красавцем) за все годы нашего знакомства. Хотя я пыталась! Но каждый раз что-то не сходило, и он с достойным лучшего применения постоянством ловко ускользал из всех расставляемых мною сетей. И вот теперь весь мой доведенный до крайности жизненный опыт прямо таки вопиял: надо что-то делать! Срочно! Подумай, дура! На твою же красоту неземную он точно не купится, значит, надо действовать как-то иначе...

От зеркала в ванной меня оторвал телефонный звонок. Звонила Зося.

— Не хочешь ко мне в гости? — с места в карьер начала соблазнять она. — Я тут подумала: вдруг ты в наш район собираешься? Поговорить бы надо.

— А что случилось?

— Ничего такого особенного, да и не телефонный разговор... Ну или хочешь, я сама к тебе загляну?

— Да нет, пожалуй, лучше я к вам, как раз в город собиралась. Зайду часа через два. Лады?

— Договорились. Жду. Привет.

Я вернулась к зеркалу, но уже настроенная если не более позитивно, то хотя бы более решительно: раз придется выйти из дому, надо навести на фасад хотя бы видимость приличия. Отштукатурить его, к примеру. Еще немного полюбовалась унылой рожей, так, из чистого мазохизма. И вдруг подумала: а вдруг при виде такой страховидлы кто-нибудь не удержится и в сердцах плюнет мне вслед? Это же счастье-то какое будет! Я бы тут же побежала в ближайшее казино играть во что придется; такой плевок — это ж лучше не придумаешь, выигрыш гарантирован! Эх, даже жалко вхолостую разбазаривать такую отличную примету.

И я занялась приведением фасада в приличный вид, продолжая размышлять о необходимости

как-то воздействовать на состояние зрения и рассудка неподдающегося типа. Да, сознаюсь, он мне нужен. Все еще нужен. Жизнь без него не мила и все такое в комплекте прилагается. А значит, надо его завоевать, очаровать, пленить, взять в рабство, приковать к батарее. Иначе никак. Только вот чем? Ведь не этой же рожей! Пластическая операция отпадает, слишком долго и дорого, нет, здесь необходимо нечто более радикальное и быстрое, что-то неожиданное, яркое, сногшибательное...

Последняя чудом уцелевшая извилина шевельнулась в моей голове и пискнула, что ничего подобного вовсе не нужно. Все у нас было хорошо, пока я в рот ему смотрела и восхищалась каждым вылетающим оттуда звуком. А под откос все полетело, когда перестала притворяться и не сумела вовремя промолчать. Есть у меня такая дурная привычка — подмечать недостатки и над ними ехидничать, а любовь должна быть слепа. Глаза у меня действительно несуразные, прозрели не вовремя...

Идиотские глаза. Только и годятся, что себя в зеркале рассматривать. По ходу размышлений подкрасилась: все более или менее нормально, нечего преувеличивать, даже вовсе не так уж плохо, кое-что изменилось на плюс, вроде бы и не такая

уж лысая, и нос не особо щеголяет своей выдающейся красотой. Ворох сена удалось причесать и даже как-то уложить. Впрочем, по поводу волос я иллюзий не питала: легкий ветерок, да что там ветерок — дуновение, и прическе хана!

Однако на лестнице пристыженная своим бегством объективность таки решила поиметь совесть и ко мне вернуться. Что характерно, не одна: привела с собой возмущение. Между четвертым и вторым этажами я возмутилась уже всерьез.

А судьи кто?! И с какой это стати я только себя обвиняю во всех смертных грехах и считаю единственной виновницей того, что у нас сейчас все так плохо? Да ничего подобного! Мой избранник тот еще овощ и виноват ничуть не менее.

Начнем с отвратительнейшего характера: мой милый эгоист, эгоцентрист, мегаломан и к тому же лицемер. Белый плащ и табуреточка прилагаются. Сам весь такой вроде как благородный, но при этом цель у него всегда оправдывает средства, если цель его, а средства чужие. Снисхождения и сочувствия в нем примерно столько же, сколько в каменном надгробии, а что до чувства юмора — у самого флегматичного бегемота в городском зоопарке его поболее будет. Требует идеальности от всего,

будь то мытье стекол в машине, ремонт чемоданной ручки, мелкая постирушка, занятие любовью или выращивание помидоров на подоконнике — все должно быть по высшему разряду, иначе он не согласен. Все, сделанное им, должно быть оценено лишь в превосходной степени, и не дай боже вдруг какой намек, что кто-нибудь где-нибудь что-нибудь может сделать лучше! И поди разбери: то ли мания величия, то ли комплекс неполноценности... то ли и то и другое сразу в одном флаконе!

Правда, упаковано это скопище недостатков и комплексов просто роскошно. Высокий, широкоплечий, красивое лицо с удивительно правильными чертами, сапфировые глаза с поволокой и тайной грустью, пушистости ресниц позавидует любая кинодива, та же Грета Гарбо, например, просто умрет на месте. При этом вроде бы не придает своей внешности ни малейшего значения и словно бы не понимает, насколько красив! Натуральный блондин, непослушный завиток все время так и норовит упасть на глаза... Завиток, правда, такой же естественный, как я дева Мария, но уложен-то втайне, всем положено думать, что кумир о нем как раз вовсе и не думает!

И все это великолепие рухнуло на меня. Везет же мне на блондинов! Никуда не денешься от судьбы...

Искра между нами была, чего скрывать. Однако росток великой любви пытался пробиться хоть и долго, но тщетно. Слишком уж я дефективная оказалась, совсем не идеальная. И уже описанная ранее внешность, и разнообразные многочисленные недостатки ума и воспитания.

Может, милый тут не так уж и неправ — что же еще кроме врожденного идиотизма заставляет меня постоянно себя пилить? Правда, из бездны самокопания меня довольно быстро вывело одно рациональное соображение: при том уровне умственного развития, который с прискорбием постоянно обнаруживал во мне мой кумир, я бы вряд ли смогла закончить среднюю школу. Да что там! Я бы и читать-писать научиться не смогла. А научилась-таки, да к тому же четыре арифметических действия одолела, таблицу умножения на память вызубрила, более того, знаю даже, что Илья Эренбург — русский поэт, а вовсе не последняя любовница Гитлера и даже отличаю ферму от ферматы. А посему высокий градус дебилизма, приписываемый мне милым, целиком и полностью остается на его идеальной совести...

Вот из-за всех этих соображений где-то в районе второго этажа и накрыла меня жуткая обида.

Захотелось не просто заполучить кумира, а чтобы кумир этот еще и проникся ко мне неземной любовью!

Не в моем характере ограничиваться полумерами, уж мечтать так мечтать! Вдруг случится какое-нибудь чудо и он узрит во мне свою единственную истинную любовь, вспыхнет и падет к моим ногам, умоляя простить за столько лет презрения и игнора... И я его, разумеется, прощу... но сначала пусть избавится от мерзкого характера. А собственно, почему бы и нет? Ведь истинная любовь творит настоящие чудеса, это все знают!

На последней ступеньке я уже отлично знала: ничего из всего этого не выйдет. Мой милый себя не изменит, не загорится, не вспыхнет. Красавица я или уродина, умная или дура — ему все равно, и никакие мои достоинства не помогут, пора это понять и смириться, а бредовые иллюзии бросить под скорый поезд. Ну правда, не самой же мне под него прыгать?!

Решено. Так и сделаю. Вот прямо сейчас пойду и поставлю точку.

Так я решила, однако расставить знаки препинания не успела. Не потому что растеряла решимость на последней ступеньке лестничной клетки, просто

как раз после этого я и влетела в таинственные события, поразительные и ужасные...

— Да ничего не случилось! — успокоила меня Зося. — Возможно, зря тебя переполошила и надо просто взять себя в руки...

Но взяла она в руки почему-то не себя, а стаканы и кружки: то расставляла их на столе, то снова убирала в буфет, рассеянно скользя взглядом по своей ужасающе чистенькой кухне — что-то в обстановке ее явно не устраивало. Потом отобрала у меня пепельницу, нервно вымыла и поставила на полку.

— Тебя что, Алиция покусала? — поинтересовалась я с неудовольствием, потому как все это напоминало сцену, которую мне довелось наблюдать много лет назад. — Правда, Алицию давно уже отпустило. Отдай пепельницу, а то буду пепел стряхивать на тарелку.

Зося удивленно посмотрела на стол, потом на полку.

— А, прости, пожалуйста. Глупости, Алиция тут совсем ни при чем. У нее нет детей, а я из-за Павла...

Не хочу кричать на всю Польшу... Послушай, твой Дарий... Чем он, собственно, занимается?

— На всю Польшу не получится, — заметила я сухо. — У меня нет громкоговорителя, а в чем дело?

— Как ты думаешь, он умеет молчать?

— По-разному. На некоторые темы только и делает, что молчит.

Зося выключила газ под чайником и прислонилась к буфету, озабоченно поглядывая то на меня, то на дверь в прихожую за моей спиной. Я тоже разглядывала ее и прикидывала, как бы она отреагировала на правду об истинном имени того, кого она называла Дарием.

Его звали вовсе не Дарий, а Божидар, и я сама предпочитала об этом не вспоминать. Не знаю, о чем думали его родители, давая младенцу такое имя. Может, для них он и был даром Божиим, но могли бы немножко и соображать! Например, о том, каково будет жить человеку в наше время с таким именем! Так могут звать рыцаря в серебристых доспехах, с рапирой и стилетом или, на худой конец, с гусарским ментиком за плечами, но уж никак не мужчину с зонтиком и портфелем. У меня просто язык не поворачивался называть любимого